

Иринарх Иванович Введенский

Тредьяковский

Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова.

Л., "Советский писатель", 1960.

[OCR Бычков М. Н.](#)

И. И. Введенский -- переводчик, литератор и педагог. В 1840-х годах вокруг него группировался кружок петербургской интеллигенции, идейно близкой петрашевцам.

Переводческая деятельность Введенского развернулась в основном в конце 1840-х -- начале 1850-х годов, когда он перевел романы "Домби и сын" (1847--1848), "Замогильные записки Пикквикского клуба" (1849--1850), "Давид Копперфильд" (1851) Диккенса, "Дирслейер" ("Зверобой") Купера (1848), "Дженни Эйр" Шарлотты Бронте (1849), "Базар житейской суеты" Теккерея (1850), "Опекун" Нортон (1852) и "Манон Леско" Прево (не опубликован).

Переводы Введенского блестяще воспроизводили стиль подлинника, его интонацию и ритм. Несмотря на критику со стороны современных ему журналов, а также последующих переводчиков Диккенса (Ранцова и др.), переводы Введенского пользовались огромной популярностью у читателей и переиздавались вплоть до революции. Диккенс приобрел широкую известность в России главным образом благодаря переводам Введенского. Однако вольное обращение переводчика с подлинником, многочисленные добавления и русизмы, которые он вводил в произведения иностранных авторов, делают его переводы устаревшими в наше время.

Свои переводческие принципы Введенский изложил в статье, написанной в форме письма к редактору "Отечественных записок" (1851).

Заслугой Введенского явилась также правильная оценка литературной, в том числе и переводческой, деятельности Тредиаковского.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ И ЕГО "ТИЛЕМАХИДА"

Говоря о филологических преобразованиях, сделанных Ломоносовым, мы прославляем его преимущественно за то, что он *первый* отделил собственно русский язык от церковнославянского, употреблявшегося в литературе до его времени; не подлежит, однако ж, никакому сомнению, что эта мысль родилась первоначально в голове Тредьяковского. Проживая за границей, он перевел, между прочим, так называемую "Езду в остров Любви". Вот что говорит он в предисловии к этому переводу... "На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши, читая, не разумеют; а сия книга есть *сладкая любви*, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется, может быть, самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только Я им писывал, но и разговаривал со всеми..."

Принимая в соображение, что это было писано ранее 1750 года, когда Тредьяковский только что выступал на литературное поприще, мы должны будем согласиться, что он этою смелою мыслью далеко опередил всех своих современников. История русской литературы обязана выставить на вид этот важный факт...

Предложив теорию русской версификации, добросовестный и трудолюбивый профессор словесности считал обязанностью представить своим ученикам теорию самой поэзии. В его время приобрел на этом поприще громкую славу Буало, считавшийся непогрешительным авторитетом: Тредьяковский решается перевести его на русский язык и переводит стихами. Какие же должны быть